

С. А. Васютин

УЙГУРСКИЙ КАГАНАТ – ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ПАСТОРАЛЬНЫМ ИМПЕРИЯМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ I ТЫС. Н. Э.

Рассматриваются проблемы истории Уйгурского каганата (745–840). Автор ставит задачу выявления особенностей исторического развития империи уйгуров и ее отличий от предшествующих политических образований кочевых племен Центральной Азии. Согласно гипотезе автора эти различия выразились в формировании в Уйгурии основных признаков цивилизации. На основании изучения процессов урбанизации, распространения письменности и образованности, формирования элементов государственности, принятия уйгурской элитой манихейства, развития ремесла, земледелия, торговли и включения Уйгурского каганата в евразийские мир-системные связи автор делает вывод о том, что каганат стоял на пороге цивилизационной стадии.

Ключевые слова: Уйгурский каганат, урбанизация, письменность, манихейство, раннее государство, кочевая империя, цивилизация.

Специфику Уйгурского каганата и его отличия от предшествующих кочевых империй I тыс. н. э. (Сяньби, Жужаньский и Тюркские каганаты) в связи с градостроительством отмечали Л. Р. Кызласов [1; 2, с. 145; 3, с. 52–54 и др.], С. В. Данилов [4, с. 56], Н. Широиси [5, с. 247–248], Н. Н. Крадин [6, с. 333–334] и др. На другую особенность Уйгурского каганата, обусловленную принятием в качестве господствующей религии манихейства, указывали В. В. Бартольд [7, с. 244–245; 8, с. 202], Л. Н. Гумилев [9, с. 378], К. Мэжрас [10, с. 327–329], А. К. Камалов [11, с. 116–117, 143–144] и мн. др. Т. Барфилд рассматривал Уйгурский каганат как «степную цивилизацию». Среди важных ее признаков исследователь называл «постоянную столицу» – центр управления империей, «записи, развитие сельского хозяйства в степи, тесное взаимодействие уйгуров с ираноязычным миром в области религии и системы управления». В уйгурских городах он видел «центры по сбору налогов и дани», возникшие «по приказу сверху». Главная задача городов, по мнению ученого, была в сохранении богатств, поступающих из Китая, и в создании условий для прибыльной посреднической торговли шелком. Выросшие в степи города Т. Барфилд считал одним из результатов эксплуатации экономики Китая [12, с. 129–131]. Ю. И. Дробышев обосновывает мысль об Уйгурском каганате как нетипичной кочевой империи. Он исходит из сравнительно миролюбивой политики уйгуров в отношении Китая, градостроительства и развитого земледелия, принятия манихейства как государственной религии [13, с. 25]. Более сложный характер организации власти и форм подчинения других народов в Уйгурском каганате по сравнению с тюркскими империями предполагали Н. Широиси [5, с. 243–244], С. А. Васютин [14, с. 21, 29].

В связи с мнением исследователей об уникальности империи уйгуров можно поставить вопрос о том, имел ли Уйгурский каганат качественные от-

личия от предшествующих имперских политик кочевых племен и в каких понятиях эти отличия могут быть отражены? В данной статье попытаемся показать, что Уйгурия достигла высокого уровня культурного развития и соответствовала многим критериям понятия «цивилизация». Причем речь не идет о дискуссионном термине «кочевая цивилизация». Автор статьи исходит из понятийного аппарата, выработанного на основе анализа исторического развития земледельческих обществ, что делает возможным и сопоставление с ними Уйгурского каганата на основе единых критериев.

Дискуссия о признаках цивилизации развернулась еще в XIX в. Широко известны критерии цивилизации, которые выделил Л. Г. Морган. Он связывал становление древней цивилизации с изобретением алфавита и применением письма, а также с появлением государства с территориальными принципами административного деления, собственности, «имущественных классов» [15, с. 10, 21–22, 29, 155–159, 191–196]. Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» наряду с изобретением буквенного письма называл в качестве признаков перехода к цивилизации разделение труда, вызывавшее необходимость обмена, появление купцов, металлических денег, процентов и ростовщичества, частной собственности и ипотеки, рабского труда и разделения на классы, моногамной семьи. «Связующей силой цивилизованного общества» он считал государство, которое является машиной «для подавления эксплуатируемого класса» «господствующим классом». Такое государство отличает территориальное деление, наличие чиновников, тюрем и принудительных учреждений, налогов на содержание публичной власти [16, с. 229, 262, 274, 305–309, 357–369].

В XX столетии идеи культурных особенностей разных цивилизаций разрабатывали О. Шпенглер и А. Тойнби. Однако наше внимание сосредото-

но на понимании цивилизации как определенного уровня развития. Длительное время наиболее популярными были 10 критериев цивилизации, выдвинутые Г. Чайлдом: 1) города; 2) возникновение классов, занятых вне производства пищи (торговцы, жрецы, чиновники и пр.); 3) изымаемый элитой прибавочный продукт; 4) наличие монументальных культовых и дворцовых сооружений; 5) обособление правящих групп, социальная стратификация; 6) появление письменности и зачатков математики; 7) развитие изысканного художественного стиля; 8) появление торговли на дальние расстояния; 9) образование государства; 10) взимание налогов [17, р. 3–17]. Эти слишком широкие показатели были уточнены К. Ренфрю, который сократил список признаков вдвое: 1) социальная стратификация; 2) высокоразвитая ремесленная специализация; 3) город; 4) письменность; 5) монументальное культовое строительство [18, р. 5–7].

В дальнейшем к разработке критериев цивилизации обращались В. М. Массон, Г. Джонсон, Г. Райт, Ф. Бродель, И. Валлерстайн, Л. С. Васильев, Ю. В. Павленко, Дж. Хорд, Ш. Ито, Т. Холл, Р. Шэдел, Д. Уилкинсон, Э. С. Кульпин, Р. Уэскотт и многие другие. Изучение вопроса о признаках цивилизации показало, что, казалось бы, неоспоримые индикаторы высокого уровня развития, такие как письменность, государство, урбанизация и монументальная архитектура, сами по себе не были исключительными признаками только цивилизационной стадии, так как могли появляться в менее сложных обществах. Только в сочетании с другими признаками они служили критерием преодоления тем или иным обществом порога цивилизации. Не случайно, что более узкий список археологических критериев цивилизации, предложенный Н. Н. Крадиным, ограничивался только четырьмя показателями: 1) не менее чем трехуровневая классовая структура; 2) постоянная оседлость, 3) земледельческое хозяйство как основа экономики; 4) обработка и использование металлов [19, с. 194–196]. На наш взгляд, такой подход не вполне идеален, ибо три из четырех признаков (обработка металлов, оседлость, земледелие) характерны для самых разных по уровню сложности социальных объединений. Более приемлемыми можно считать признаки, выделенные К. Ренфрю, к которым в качестве дополнительных критериев можно добавить государство, обработку металлов, взимание налогов и пр. Также к важнейшим признакам цивилизации стоит отнести и сословно-классовую систему. Таким образом, изучение вопроса о цивилизационном статусе Уйгурского каганата требует комплексного взгляда и учета разнообразных критериев.

Несмотря на то, что нам известен по крайней мере один уйгурский город (Тогу-балык на р. Толе)

начала VIII в. [20, с. 17], настоящее градостроительство развернулось в степи после провозглашения Уйгурского каганата. Первоначально административными центрами империи были ставки кагана. Так, по распоряжению Элетмиш Бильге-кагана был возведен «беловатый лагерь и дворец» с крепостными стенами в землях чиков в Туве [20, с. 40]. Подобные ставки были устроены в Отюкенской черни «при слиянии рек Ябаш (Айбаш) и Тукуш» [20, с. 40], «на западной окраине Отюкена, в верховьях (реки) Тез» [21, с. 92], в Касар Коруге и на востоке в Эльсере [22, с. 89]. В Терхинской надписи сообщается о сооружении в год дракона (752) ставки «посредине Отюкена, к западу от священной вершины Сянгюз Башкан» [21, с. 92]. С. Г. Кляшторный предполагает, что речь идет об Орду-балыке (Карабалгасуне, Хара-балгасуне, Баллаклыке) – будущей столице каганата [21, с. 94]. В памятнике из Могон Шине-Усу есть и прямое указание на строительство главной каганской ставки у «соединения Орхона и Балыклыка». Здесь был воздвигнут «государственный дворец и государственный дом» [20, с. 42].

К сожалению, о дальнейшей судьбе большинства ставок в письменных источниках не сообщается. Но по примеру Орду-балыка можно предполагать, что со временем некоторые ставки стали городскими центрами. Данная гипотеза подтверждается прежде всего сохранением до сегодняшнего дня остатков многочисленных городищ уйгурского времени. Помимо этого в надписи из Могон Шине-Усу есть упоминание и непосредственного строительства города. От имени Элетмиш Бильге-кагана указывается: «Согдам и табгачам (китайцам. – С. В.) я дал (приказ) на (берегу) Селенги построить Бай-балык» [20, с. 43]. Каким образом в степи оказалось оседлое население? Прежде всего в каганат устремились согдийские, китайские и арабо-мусульманские купцы с целью продать престижные товары уйгурской элите. Но основная часть согдийцев и китайцев, скорее всего, попала в степь в ходе восстания Ань Лушаня в Китае и после его подавления. С принятием же уйгурской политической элитой манихейства в каганат стали переселяться манихейские общины согдийцев [9, с. 378–383; 22, с. 83; 11, 116–117 и др.]. В итоге численность оседлых жителей в Уйгурском каганате стала весьма значительной, о чем свидетельствует не только возведение городов в Монголии и Туве, но и наличие рядом с ними поселений ремесленников и земледельцев. Среди жителей городов было немало уйгуров и других тюркоязычных народов. Арабский путешественник Тамим ибн Бахр, добравшийся из Семиречья в Орду-балык, указывал, что последние 20 (либо 25) дней он продвигался среди «плодородных земель» с рынками и «много-

численными деревнями», населенными «полностью или большей частью» тюрками, среди которых были «огнепоклонники и зиндики – манихеи» [23, с. 45, 46, 130, прим. 58].

Среди городов особенно выделялась столица Уйгурского каганата, превратившаяся в настоящий степной мегаполис. По описанию Тамим ибн Бахра Орду-балык был «большим и богатым городом, вокруг которого располагались бесконечным рядом деревни. Город имел двенадцать железных ворот, здесь много народу, толкотни, рынков, товаров. Основная масса населения – манихеи-зиндики» [23, с. 45, 46]. Увиденное Тамим ибн Бахром подтверждается описаниями и планами городища Орду-балык и его окрестностей. Наряду с крепостью с сохранившейся цитаделью и сторожевой башней вокруг фиксируются многочисленные усадьбы, деревенские поселения, торгово-ремесленные пригороды, поля, ирригационные каналы. Общая площадь всего комплекса составляет 25 км² [4, с. 57–58; 24, с. 180–182; 25, с. 65; 26, с. 93–95; 27, с. 49–50; 28, с. 14–15, 123; 29, с. 84–85 и мн. др.].

Среди других уйгурских городов в Монголии можно назвать Бей-балык, Чилим балгас, Цаган Сумийн балгас, Тойтен-Толгой, Тайджин-Чуло и др. [4, с. 58–59; 6, с. 333; 24, с. 183–184; 25, с. 65; 26, с. 95; 29, с. 85–86 и др.]. Городище и ремесленно-земледельческие поселения были обнаружены в районе Каракорума (Хар-хорина) – столицы монгольской империи, располагавшейся в 27 км от Орду-балыка [1, с. 73; 4, с. 59; 26, с. 98–99; 28, с. 271, 273; 30, с. 322, fig. 1, 3; и др.]. Также в подчинении уйгуров находились и развитые города Турфана [9, с. 370, 375, 410, 411–413; 11, с. 138–147 и др.].

В Туве возникла целая оборонительная линия из городищ, крепостей, глинобитных и каменных стен [1, с. 66–72; 2, с. 145–158; 3, с. 53–54; 31, с. 105–110 и др.]. Вероятно, уйгуры довольно быстро осознали стратегическое значение Тувы и угрозу, исходящую со стороны кыргызов. Уйгурская укрепленная линия в Туве имела систему управления и сеть административных центров. Деятельность гарнизонов крепостей в бассейне Хемчика (городища Бай-тал, Тээли, Эльдиг-Кежиг, Алдан-Маадыр, Малгаш-Бажын / Эдегейское, Баглаш-Бажын / Бора-Тайга, Баян-Тал и Ийме) координировалась из I Бажын-Алака, расположенного в пойме Чадана притока Хемчика. Другой управленческий центр (III Шагонарское городище) находился в верховьях Енисея. С севера, запада и юга это городище прикрывалось четырьмя крепостями (I, II, IV, V Шагонарские городища). В административном подчинении III Шагонарского городища также находились городища II Бажын-Алак и Барыкское [32, с. 101, 142, рис. 31]. Возможно, в III Шагонарском городище располагалась ставка тутука и его

администрация, управлявшая крепостями и другими оборонительными объектами всей укрепленной линии. С центром империи уйгурские города и крепости в Туве связывал Пор-Бажын, расположенный на современной границе с Монголией [31].

Таким образом, в каганате существовала обширная городская инфраструктура: столичный город Хара-балгас – «областные» административные центры – провинциальные города и военные крепости для обороны от внешних противников. Показательна и полифункциональность городов в Уйгурском каганате – административное управление, ремесленно-земледельческая деятельность, торговля, осуществление религиозных культов и церемоний, военные крепости. Тем самым по степени урбанизации каганат не уступал многим обществам, достигшим цивилизационной стадии.

Говоря об усложнении производственных практик в Уйгурской империи, следует отметить активное участие согдийцев, танцев и других мигрантов в торгово-экономической жизни каганата. Существовала сеть аграрных и ремесленных поселений, особенно рядом с крупными городскими центрами. В степях производились не только характерные для кочевников оружие и конская упряжь, но и сельскохозяйственные орудия труда, посуда, различные ремесленные товары [4, с. 151; 24, с. 191; 26, с. 94–95; 28, с. 271, 273 и др.]. Известно, что кочевники испытывали высокую потребность в продукции земледельческих обществ. Сельское хозяйство, ремесло и торговля обеспечивали определенную независимость уйгурской элите от Китая. Поэтому уйгуры получали дары из Китая почти исключительно шелком либо монетой (до 200 тыс. связок монет). Размеры подобных даров достигали от 20–50 тыс. до 100 тыс. кусков шелка, а в IX в. – до 500 тыс. кусков шелка [11, с. 110; 12, с. 125, 126, 127; 23, с. 46; 33, с. 313, 322, 323, 333 и др.].

Торговля играла немаловажную роль в жизни уйгурских городов и экономическом развитии Уйгурского каганата. В середине VIII – первой половине IX в. сложились благоприятные условия для развития торговли в каганате и транзитных торговых операций по территории Монголии. Прежде всего следует указать на внешнеполитические обстоятельства, способствовавшие активной деятельности согдийских купцов в Монголии. Во-первых, это захват Тибетом в 60–90 гг. VIII в. всего «центрального участка Великого шелкового пути от Ичжоу до Ганьсуского коридора» [34, с. 380]. Это вынуждало торговцев везти товары, поступающие из Китая либо, наоборот, транспортируемые в Поднебесную, через монгольские степи. «Уйгурский путь», упоминаемый в танских источниках, шел из Бэйтина (Бешбалыка) к оз. Баркуль и далее к Хара-

балгасу. Затем дорога пролегла на юго-восток через Ордос в Чанъань. По ней велась активная «торговля шелком и лошадьми», доставлялись дани и подати [34, с. 380]. Во-вторых, мощный импульс для развития евразийской торговли дал Арабский халифат. Превратившись в огромную империю, объединившую целый ряд стран и территорий с производственными центрами (Ближний Восток, Персию, Египет и др.), халифат сам был наиболее мощным потребителем продукции из стран Дальнего Востока. В то же время он во многом обеспечивал тогдашнюю мировую торговлю своим серебряным дирхемом и товарами. Купцы халифата существенно расширили сеть торговых коммуникаций, охвативших и евразийские степи. Арабский халифат стал центром евразийской мир-системы и главным посредником в азиатско-европейской торговле. В-третьих, важными контрагентами и посредниками в торговле были растущие города Семиречья и Средней Азии. Это вело к интенсификации товарного обмена по Шелковому пути и более тесному взаимодействию традиционных центров производства и посреднической торговли в Евразии (Китай, Восточный Туркестан, Средняя Азия, Персия, Кавказ, Византия, Средиземноморье, Западная Европа).

Также наблюдалось развитие уйгуро-китайской торговли. После подавления восстания Ань Лушаня сложилась более или менее устойчивая структура поставок из Уйгурии в империю Тан как транзитных, так и собственно уйгурских товаров. Уйгуры, как правило, поставляли танскому двору лошадей. В 760–770-е гг. они ежегодно продавали от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч животных, обменивая их на шелк. Правда, зачастую речь шла о неэквивалентной торговле, так как лошади нередко были «слабыми», а уйгуры все равно получали 40 кусков шелка за каждую особь. Согдийцы, прикрывавшиеся именем «уйгур», в основном специализировались на транзитных товарах. В Чанъани (столице Тан) обосновалась целая колония согдийцев (ок. 2000 человек), которые «преумножали свои товары», взяли под свой контроль поставку продуктов питания в город, «открывали дома для певичек и торговые ряды» [11, с. 145]. Со временем число уйгурских представителей в Китае было ограничено до 200 человек [11, с. 159–160].

Подъем торговой деятельности в Уйгурском каганате был невозможен без благоприятных условий внутри империи. Согдийцы, особенно после окончательного утверждения манихейства в каганате в конце VIII в., получили широкие возможности для развития торговли. Согдийские колонисты в Монголии имели устойчивые связи с торговцами из Китая, Восточного Туркестана, Семиречья, Ин-

дии, Арабского халифата. В каганат стекались товары с его северных и восточных окраин (пушнина, металлы, скот и др.). Тем самым Уйгурский каганат выступал посредником не только в широтной торговле Китая со странами Среднего Востока, но и в торговых контактах империи Тан с северной периферией. Большое внимание уделялось торговой инфраструктуре. На всем протяжении «уйгурского пути» действовали рынки. Особенно славились своими рынками столица каганата. К тому же на степном участке торгового пути из Турфана до Орду-балыка, согласно свидетельствам Тамир ибн Бахра, существовала система специальных промежуточных станций и поселений с рынками, которые обеспечивали передвижение купцов с товаром (подобие ямной системы у монголов) [23, с. 46].

В целом экономическая система Уйгурского каганата соответствовала целому ряду критериев цивилизации (оседлые поселения, городская экономика, ирригационное земледелие, производство и широкое использование железа в хозяйственных и военных целях, торговля на дальние расстояния и т. д.).

Существенные изменения происходят в религиозно-культурной сфере. Прежде всего необходимо указать на принятие уйгурской элитой манихейства. Со временем манихейство прочно укоренилось в каганате. По словам Тамим ибн Бахра, среди жителей городов и поселений было много манихеев [23, с. 45, 46]. Важным критерием цивилизации многие исследователи называли письменность. В Уйгурском каганате, как известно, наряду с тюркскими руническими надписями, создавались тексты согдийским и производным от него уйгурским письмом. Косвенно памятники письменности Уйгурского каганата могут указывать на то, что в каганате было много грамотных людей, принадлежавших к разным этническим группам. И. Л. Кызласов считает, что грамотность и образованность были характерны не только для духовенства (манихейского, буддийского) и уйгурской политической элиты, но и для рядового населения каганата [36, с. 107–108, 114–115].

Одним из дополнительных критериев цивилизации выступает формирование государства. К сожалению, источники не позволяют полноценно реконструировать развитие управленческих институтов в Уйгурском каганате. Но при этом имеются основания полагать, что в империи уйгуров возникла одна из форм раннего государства. Изначально система управления в Уйгурском каганате была традиционной для крупных кочевых образований. Центральный аппарат во главе с каганом включал левого (восточного) и правого (западного) шадов, внутренних и внешних «великих буюруков» (в китайских источниках «министров») [11, с. 126–127,

129–135; 21, с. 93; 33, с. 320]. Интересы империи представляли одиннадцать тутуков-наместников над племенами [11, с. 127–129; 33, с. 308]. Однако в дальнейшем в Уйгурском каганате в связи с ростом городов и численности оседлых общин наблюдается усложнение системы управления. Уйгурская элита стала получать доходы не только от обмена лошадей в Китае на шелк и последующей продажи согдийцами излишков шелка. Источником пополнения казны стала деятельность оседлого населения – торговля, ремесло, земледельческое производство. Поощряя их развитие, уйгуры собирали налоги и пошлины. Особенно доходными были многочисленные рынки на территории империи. Возможно, что проводниками более рациональной фискальной политики были согдийцы, некоторые из них, если судить по примеру министра Ань Юньхэ, могли занимать довольно значимые посты в каганате. По всей вероятности, развивалось городское управление: возникла иерархия чиновников (глава города, сборщики налогов, судьи).

Постепенно меняется и характер управления зависимыми племенами. В надписи из Могон Шине-Усу указывается, что после установления Элетмиш Бильге-каганом контроля над чиками, он дал им «тутука, ышбаров и тарханов» [20, с. 41]. Как мы видим, уже в первые годы существования каганата в его провинциях создавалась определенная иерархия управленцев. В нее, помимо наместника, входили еще ышбары и тарханы. Согласно источникам по истории тюркских каганатов, титулы ышбара и тархан принадлежали верховным сановникам кочевых империй [см. 11, с. 133; 20, с. 28, 29; 21, с. 92]. В «Древнетюркском словаре» термин «ышбара» трактуется как «титул либо должность» [37, с. 220], а «тархан» – как «должность и титул правителя» [37, с. 538, 539]. Скорее всего, в каждой провинции повторялась структура и титулатура центрального управления. Если принять данную гипотезу, тогда ышбары и тарханы, поставленные над чиками, являлись низовыми чиновниками. Предположительно ышбары и тарханы могли выполнять функции военных чиновников, начальников крепостей, сборщиков даней.

Более содержательная информация имеется в отношении уйгурского управления си и киданиями. Причем эти данные относятся ко времени падения каганата, а значит, дают возможность представить функции местной администрации на пике ее развития. В «Цзю Таншу» указывается, что «у народа си и киданей находились уйгурские уполномоченные по надзору и попечению, наблюдавшие за поступлением ежегодной дани» и также следившие за китайцами. Когда Уйгурский каганат пал, то помощник командующего Ши Гунн-суй в результате соглашения с си и киданиями схватил и казнил «бо-

лее 800 человек» [35, с. 35, 113–114, коммент. 164, 165, 166]. Данный эпизод можно рассматривать как прямое указание на численный рост провинциальной администрации и развитие ее функций. Только в землях си и киданей было не менее 800 уйгурских чиновников и военных. По всей видимости, они организовывали ежегодный сбор дани. Регулярность поборов свидетельствует о превращении дани в налог. Также в Уйгурском каганате была создана администрация, обеспечивавшая функционирование торговых путей («служители» станций у Тамим ибн Бахра [23, с. 46]).

Приведенные выше сведения о функциях должностных лиц в отдельных регионах уйгурской империи позволяют высказать предположение о том, что во всех областях Уйгурского каганата наряду с племенными органами управления существовала сеть провинциальных и местных чиновников с военными и гражданскими полномочиями, что является одним из свидетельств формирования государственности. Однако государственные структуры в Уйгурском каганате не сложились в устойчивую политическую систему. Кочевые традиции, доминировавшие в политической сфере, определяли зависимость политических институтов от характерных для кочевых племен вызовов. Прежде всего это касалось солидарности кочевой элиты в условиях получения и распределения среди представителей военно-административной и племенной знати огромных доходов. Прямым отражением противоречий в элитарной среде империи стали мятежи и перевороты 830-х гг. К тому же намечавшийся политический кризис каганата совпал с чередой стихийных бедствий, эпизоотий, неурожая, голода и эпидемий, что привело к росту смертности и миграциям: «поселения опустели», «бездомные люди бежали в пустыни», «умиравшие в пути устлали пустынные районы» [11, с. 182–183]. И наконец, решающее значение в условиях политического и экологического кризиса приобрела внешняя угроза – вторжение кыргызов. Захват кыргызами Орду-балька привел к уничтожению всей имперской системы, переселению уйгуров и других племенных групп в разных направлениях, а также сравнительно быстрому опустению городов и исчезновению земледельческих поселений.

В социальном отношении развитие каганата также имело специфические черты. В каганате формировались социальные группы, не характерные для крупных объединений кочевых племен в Центральной Азии. В частности, лидирующее положение занимало военно-аристократическое окружение кагана и высшее имперское чиновничество. В отличие от типичной аристократии кочевых империй, в Уйгурском каганате имперская знать жила не столько за счет получения «даров» из Китая, сколько за

счет регулярных фискальных доходов и продажи шелка. Другая группа была представлена манихейским духовенством. Характеризовать конкретное положение священников из-за скудности источников невозможно. Судя по сообщению о том, что Бёгю-каган вернулся из Китая с миссионерами, часть манихейских священников довольно быстро смогла занять высокое положение при дворе кагана в Орду-балыке. Еще одну привилегированную страту составили согдийские купцы. Согдийцы, как сообщается в китайских источниках, «преумножали свои товары», зарабатывали на транзитной торговле, контроле отдельных сфер торговли в Уйгурии, Китае, Восточном Туркестане, в других странах и регионах». Несмотря на определенные общественные изменения и появление нескольких привилегированных групп, сословно-классовая структура в Уйгурском каганате не сложилась. Прежде всего это объясняется коротким с точки

зрения исторических процессов периодом существования Уйгурской державы. Очевидно, что политическая интеграция в кочевых обществах (в данном случае в Уйгурском каганате) опережала процессы социальной дифференциации.

Уйгурский каганат завершает процесс формирования степной цивилизации в Монголии. Наряду с обработкой железа, письменностью, сложной этносоциальной структурой появляется сеть городов с многочисленными администраторами, в долинах Орхона и Толы развивается земледелие с использованием ирригации. Имеются все основания говорить о возникновении в Уйгурском каганате ранней государственности. Венцом данных изменений стало принятие элитой кочевой империи манихейства. Однако события, связанные с падением Уйгурского каганата, показали, что цивилизационные структуры в степи были неустойчивыми и дискретными.

Список литературы

1. Кызласов Л. Р. Средневековые города Тувы // Советская археология. 1959. № 3. С. 66–80.
2. Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 211 с.
3. Кызласов Л. Р. Культура древних уйгур (VIII–IX вв.) // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М.: Наука, 1981. С. 52–54.
4. Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
5. Широиси Н. Этапы кочевых государств монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. Кн. 3. С. 239–251.
6. Крадин Н. Н. Урбанизационные процессы в кочевых империях монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. Кн. 3. С. 330–346.
7. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. М.: Изд-во вост. литературы, 1963. Т. II. Ч. 1. С. 167–433.
8. Бартольд В. В. История тюрко-монгольских народов. М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1968. Т. V. С. 193–231.
9. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Товарищество «Клышников – Комаров и К^о», 1993. 526 с.
10. Mackerras C. The Uighurs // The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 317–342.
11. Камалов А. К. Древние уйгуры VIII–IX вв. Алматы: Наш мир, 2001. 216 с.
12. Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / пер. Д. В. Рухлядева, Б. В. Кузнецова. СПб.: Ин-т восточных рукописей, 2009. 248 с. URL: <http://barfield.narod.ru>
13. Дробышев Ю. И. Уйгурский каганат – нетипичная кочевая империя // Восток (Oriens). 2009. № 3. С. 17–26.
14. Васютин С. А. Основные модели организации власти у кочевников Центральной Азии периода раннего Средневековья (в свете теории многолинейности) // Восток (Oriens). 2010. № 4. С. 20–33.
15. Морган Л. Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Изд-во института народов Севера ЦИК СССР, 1935. 372 с.
16. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. М.: Изд-во полит. литературы, 1986. Т. 3. С. 211–370.
17. Childe V. G. The Urban revolution // Town Planning Review. № 21. 1950. С. 3–17.
18. Renfrew C. The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the third millennium BC (Study in Prehistory). London: Methuen Publishing Ltd., 1972. 624 p.
19. Крадин Н. Н. Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. статей. Волгоград: Учпедгиз, 2006. С. 184–208.
20. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: АН СССР, 1959. 447 с.
21. Кляшторный С. Г. Терхинская надпись (предварительная публикация) // Советская тюркология. 1980. № 3. С. 82–95.
22. Кляшторный С. Г. Тэсинская стела (предварительная публикация) // Советская тюркология. 1983. № 6. С. 76–90.
23. Асадов Ф. М. Арабские источники о тюрках в раннее Средневековье. Баку: Элм, 1993. 204 с.
24. Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Улаанбаатар: Institut archaeologic ASM, 2008. 239 с.

25. Кляшторный С. Г. Древние города Монголии // Древние города: мат-лы Всесоюз. конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего Средневековья». Л.: Наука, 1977. С. 64–65.
26. Киселев С. В. Древние города Монголии // Советская археология. 1957. № 2. С. 91–101.
27. Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт, дундад ueийн хот суурины товчон. Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн хэрэг хрхлэх хороо, 1961. 127 с.
28. Киселев С. В., Евтюхова Л. А., Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я., Левашова В. П. Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. 372 с.
29. Худяков Ю. С. Памятники уйгурской культуры в Монголии // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1990. С. 84–89.
30. Ahrens B., Bemmman J., Klinger R., Lehman F., Munkhbayar L., Oczipka M., Piezonka M., Schütt B. Geoarchäeology in the Steppe – a new multidisciplinary Project Investigating the Interaction of Man and Environment in the Orkhon Valley // Археологийн судлал. Улаанбаатар: Institut archaeologic ASM, 2008. Т. (VI) XXVI. С. 311–327.
31. Вайнштейн С. И. Древний Пор-Бажин // Советская этнография. 1964. № 6. С. 105–111.
32. Степи Евразии в эпоху Средневековья. М.: Наука, 1981. 303 с.
33. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: АН СССР, 1950. Т. I. 397 с.
34. Лубо-Лесниченко Е. И. Великий шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: очерки истории. М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 352–391.
35. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск: Изд-во «Наука». Сибирское отделение, 1974. 210 с.
36. Кызласов И. Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // Российская археология. 1999. № 4. С. 99–118.
37. Древнетюркский словарь. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1969. 676 с.

Васютин С. А., кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой.

Кемеровский государственный университет.

Ул. Красная 6, Кемерово, Россия, 650043.

E-mail: vasutin@history.kemsu.ru

Материал поступил в редакцию 14.12.2010.

S. A. Vasutin

UYGHUR KHAGANATE AS CIVILIZATION ALTERNATIVE TO THE PASTORAL EMPIRES OF CENTRAL ASIA OF I MILLENNIUM AD

The paper deals with the problems of the history of Uyghur khaganate (745–840). The author's task is to reveal the peculiarities of historical evolution of Uyghur Empire and its differences from previous political nomads' formations in Central Asia. According to the author's hypothesis these differences are manifested in the formation of civilizations in Uyghur region. Due to the research of urbanization, the expansion of written language and literacy, elements of State formation, adoption of Manichaeism by the Uyghur elite, development of crafts, agriculture, trade and inclusion of Uyghur khaganate into Eurasian world-system relations, the author concludes that the khaganate was on the threshold of the civilization stage.

Key words: *Uigur khaganate, urbanization, written language, Manichaeism, early State, nomadic empire, civilization.*

Kemerovo State University.

Ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russia, 650043.

E-mail: vasutin@history.kemsu.ru